

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. ОТ ПЛЯШУЩЕГО ТРОСТНИКА К ТРОСТНИКУ МЫСЛЯЩЕМУ*

С.Г. Проскурин

Новосибирский государственный
технический университет

s.proskurin@mail.ru

В статье рассматривается вопрос означивания человека посредством метафоры о тростнике. На основе собранного филологического материала автор статьи определяет линии развития историко-культурного понимания человека и эволюцию его представления на основе многочисленных примеров, связанных с письменным творчеством. Отдельным вопросом автор рассматривает историю представлений о человеке как мыслящем тростнике. Выясняется, что автором метафоры «мыслящий тростник» на российской почве вслед за Б. Паскалем явился выдающийся русский поэт Ф.И. Тютчев. Представлены основания для установления базы метафоры, которой, вероятно, являлась письменная культура.

Ключевые слова: мыслящий тростник, клинопись, метафора, письменность, аутопоэзис.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-65-71

В понимании человека человеком имеются очень глубокие по времени проникновения в прошлое предпосылки. Даже знаменитый пассаж Блеза Паскаля о человеке может быть развернут во времени в глубокое прошлое. Напомним, Паскаль отмечает: «Человек всего лишь тростник, самый слабый в природе; но это мыслящий тростник.

Миру и трудиться не надо, чтобы его погубить. Однако худого испарения, капли нечистой воды хватит, чтобы его убить. Но когда мир будет его убивать, человек будет еще благороднее того, что его убивает, потому что он знает, что погибает, а этот мир о своей победе над ним – не знает ничего.

Все наше достоинство состоит, значит, в мысли. Вот откуда нам следует

восходить, чтобы двигаться выше, а не от пространства и от длительности во времени, которые все равно мы не можем заполнить. Итак, будем стремиться к тому, чтобы хорошо мыслить – это принцип морали».

Паскаль:

«L'homme n'est qu'un roseu, le plus faible de la nature; mais c'est un Roseu pensant. Il ne faut pas que l'univers entiere s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau, suffit pour le tuer parce qu'il sait qu'il meurt ; et l'avantage que l'univers a sur lui, l'univers n'en sait rien.

Toute notre dignité consiste donc en le pensée . C'est de là qu'il faut nous relever; non de l'espace et de la durée, que nous ne saurions remplir. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de moral» [6, с. 11].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

Глубина метафоры «человек-тростник» значительна во временных измерениях цивилизации. Реплики этой метафоры отыскиваются нами в древнейшем шумерском тексте на одной из табличек (15540), хранящейся в государственном Эрмитаже. Это клинопись с пропедевтическим сюжетом, текст которой, видимо, использовался на протяжении многих столетий до нашей эры в обучении молодых писцов.

Шумерская табличка 15540

1. dumu é-dub-ba-a u-ul-la gâ-nu ki-ĝu-se
2. niĝ-ĝu um-mi-a-ĝu mu –un-pà –dé za-e ga-ra-pà-pà
3. za-e-gin-man-lù –tur i- Ak –šěš-ĝal i-tuku!-a
4. um-mi-a lù-ta kiĝ-ĝa a ĝiš im –ĝar
5. ĝi –ĝu-nd-da x i-ĝu-dè-en kiĝ-ĝa bi- in-selge
6. inim um-mia-a nu-mu-taka niĝ ni-ĝalli-bi- Ak
7. šěš- ĝal-gà à gà gâr-ra- gà ša-ga-iš du
8. i-[s] un –en-na mu-un-da-ši-hul silim – ĝa i-ni-in-du
9. ĝiš ma an-hur-huz-gu dingir gin kibi-še al-ĝar
10. na-ri-ga-ni-ta lu hu-ru su-bar di be-dab
11. [u]n-ma šu-gu si ba-ni-m ša us-zi mu-un-dab
12. ka-ĝu inim-ma ĝal ba-ni-in-taka ad-gi mu-un-pà
13. ĝiš-hur lu-a- gà si-sa-e-[d]e igi ma-ni i[ns]il si
14. g[uz]i-zi ha-la a –ĝa-da-kam u-zal-la niĝ[q]ig[ga]
15. l[u]a-aĝ-ĝa-ni-še u-zal-[la]a-ni at taka
16. niĝ-ni zu-a pa nu urn-e nu-me-en ka-ka-ni ba-là

Перевод текста:

1. Ученик! Скорей сюда, ко мне.
2. Все то, что мой учитель объяснил мне, тебе я хочу объяснить.
3. Когда я, как ты, был малышом и у меня был «старший брат».
4. Учитель давал (мне) задание, работу под стать мужчине.
5. Словно пляшущий тростник, я плясал – к работе он меня приставил.
6. Словом учителя я не пренебрегал, ничего не делал по собственному разумению.
7. Мои задания сердцу моего старшего брата были приятны.
8. Моему смирению он радовался (и всегда) меня хвалил.
9. Все, что он мне предписывал, подобно предписаниям бога, я в точности исполнял.
10. Своими советами он и идиота бы «освободил».
11. По глине мою руку он направлял, на правильный путь меня наставлял.
12. Уста мои словом он открыл, как давать советы, мне объяснил.
13. Он показал, как выполнять предписания.
14. Тянуться вверх – доля прилежания, (попусту) тратить время – запрет.
15. Когда человек по отношению к своему заданию теряет время, то своими заданиями он пренебрегает.
16. (никогда) своими знаниями не прославится, его уста закрыты [5, с. 198–199].

Ассоциативное переосмысление или метафора человека как «пляшущего тростника» стоит в качестве фона в воспитании писца (тянуться вверх – доля прилежания). Не случайно тростниковая палочка являлась орудием писцов и служила в качестве «замыкающего элемента» в цепи

писец – глиняная табличка. «Плоские заготовки из глины служили в качестве поверхности, на которые с помощью тростникового стилоса с заостренным, угловым или закругленным концом наносились знаки» [8, с. 49].

Об этом, в частности, по мнению К. Вильямсона, речь идет в одной средневековой древнеанглийской загадке. С распространением письменности в англосаксонском обществе правая рука начинает ассоциироваться с новыми предметами труда, например, с тонкой тростниковой палочкой для письма: «faet is wundres dael on sefan scarolic fram þe swylc ne conn hu mec seaxes ord and seo swiðre hond eorlesingeþonc and ord somod þingum gebydan (R. 61). Это – удивительный кусок, в сердцевине сухой, кто не умеет [писать]. Как мне острие кинжала и правую руку, мысль человека и лезвие (соединить)?» [4, с. 40].

Не случайно в русской поэзии начала XX столетия образ тростника сопряжен с творчеством:

Из омота злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша, –
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом
встреченный
Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

(О. Мандельштам. Осень, 1910, 1927)
[3, с. 936].

А еще раньше образ мыслящего тростника возникает в поэзии Ф. Тютчева:

Est in arudieneis modulatio musica ripis
Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею осознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест?

(Ф. Тютчев, 11 мая 1865) [3, с. 935]

Именно Ф.И. Тютчеву, по мнению Ю.С. Степанова, принадлежит метафора «мыслящий тростник». «Между прочим, – пишет Ю.С. Степанов, – Ф.И. Тютчеву принадлежит и наш исходный образ-концепт “мыслящий тростник”» [6, с. 14]. Как подсказывает история переводов произведений Блезе Паскаля, приводимый образ-концепт возник в российской традиции не сразу.

Судьба «русского Паскаля» с самого начала была непростой. Впервые русский читатель смог открыть для себя Паскаля лишь в 1843 г., когда появился перевод, сделанный И. Бутовским. Хотя переводчик, по высокой оценке В.Г. Бе-

линского, «заслуживает полную благодарность за перевод дельной книги», читатель вряд ли мог составить верное представление о труде Паскаля, ибо под общим заглавием «Мысли» были собраны отрывки из разных научных трактатов («Введение к Трактату о пустоте», «Разговор с де Саси об Эпиктете и Монтене», «О геометрическом уме и об искусстве убеждать», «Три рассуждения о положении знати»). Автор перевода произвольно поделил текст на главы и назвал их. Весь текст занимает 299 страниц небольшого формата, и самая значительная часть, связанная с религией, оказалась опущена. Но винить в этом переводчика не приходится: его перевод точно соответствует первому тому издания Ренуара, вышедшему в 1803 году и неоднократно переиздававшемуся на протяжении двух десятилетий. Подобный перевод свидетельствует о желании переводчика представить русскому читателю разные грани паскалевского таланта, но неизбежно приводит к и чрезмерной лапидарности и разнородности материала, который не сложился в единое целое и не был способен дать сколь-нибудь адекватное представление об ученом и философе. Знаменитое паскалевское сравнение человека с «мыслящим тростником», помещенное в главу «Общее понятие о человеке», впервые на русском языке выглядело так: «Человек есть не что иное, как слабая былинка в природе; но это – былинка мыслящая» [3, с. 14]. Таким образом, Ю.С. Степанов абсолютно прав, поскольку, вероятно, Ф.И. Тютчеву принадлежит исконный образ-концепт в русской словесности «И рошчет мыслящий тростник».

Затем эта тема будет подхвачена И. Северяниным:

Мечта природы, мыслящий тростник,
Влюбленный раб роскошной
малярии [...]

(И. Северянин. Тютчев (из книги
«Медальоны») [3, с. 953]

А потом вновь возникнет в шестой книге стихотворений А. Ахматовой:

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, –
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И Сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магической зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

(А. Ахматова, май 1940) [3, с. 952].

Концепт-метафора «человек-тростник» обыгрывается в восточной философии: когда сильное дерево ломается, слабый и гибкий тростник выживает и спасается. Ассоциативное поле тростник – слабость, усталость – обыгрывается в русской поэзии:

Человек – тростинка малая,
Слабосильная, усталая,
Но мыслительной способностью
Затемняет все огромности.

(В. Халтама) [3, с. 960].

Связь человек–тростник–оружие является чрезвычайно продуктивной в объяснительном аспекте. Человек, отказывающийся от насилия, трансформирует свои устремления в креативное русло, например письменность. Об этом выше свидетельствует англосаксонская загадка, объединяющая концепты кинжала, правой руки, мысли, а также тростниковой палочки для письма как отгадки, соединяющей эти концепты.

Связь с предметом письма в египетской традиции ассоциировалась с истиной и справедливостью. «Изображение сцены взвешивания сердца умершего на великих весах, происходящего в присутствии великих богов, играющих роль судей, выносящих приговор, который затем должен быть одобрен Осирисом после того, как он выслушает доклад бога Тота, секретаря и писца богов, встречаются на папирусах, датированных периодом XVIII династии. Каждый египтянин надеялся, что вес его сердца окажется равным тяжести пера, символа богини справедливости Маат» [1, с. 36]. Разумеется, рисунок делается с помощью заостренной палочки из тростника, непреходящей метафоры человека. Таким образом, образ человека как тростника возникает на фундаменте письменной культуры – клинописи, когда самой подходящей метафорой человека становится способность к творчеству через письменность (в форме направления руки писца по глине, затем папирусу, пергамен-

ту, бумаге). Таким образом, входы (entries) в понимание этой метафоры многогранны, но одним из таких входов является тростниковая палочка как орудие писца (см. рис. 1, рисунок представлен по: [2, с. 339]).

Любопытно, но движение руки по глине в древнейшей шумерской записи предстает как движение по правильному пути («По глине мою руку

он направляя, на правильный путь меня направляя»). Равносильно образ истины Маат в египетской традиции ассоциировался с правильным нанесением изображения знаков, передававших законы мироздания.

В современной культуре символика движущихся рук, вооруженных карандашом, иллюстрирует сложный философский концепт: аутопозис, определяющий, по В. Фещенко, современное мироощущение происхождения жизни (см. рис. 2, рисунок представлен по: [7, с. 94]).

Рис. 1. Бог Тот рисует символ Маат (из «Книги мертвых», ок. 1000 до н.э. Лейден)

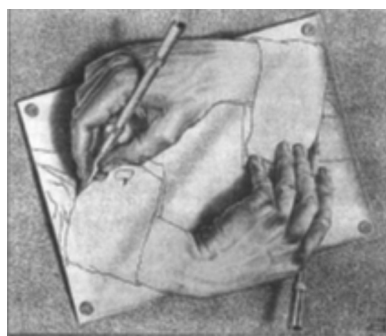

Рис. 2. Картина «Рисующие руки»

Литература

1. Бадж У. Боги египтян: царство света, или тайны загробного мира / пер. с англ. А.Б. Давыдовой, И.Б. Куликовой. – М.: Центрполиграф, 2014. – 575 с.

2. История и культура Древнего Востока: энциклопедический словарь / К.Д. Никольская, И.С. Клочков, О.В. Томашевич, Г.А. Ткаченко; отв. ред. А.А. Вигасин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 431 с.
3. Блез Паскаль: pro et contra: антология / вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарий В.Д. Алташиной. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – 1095 с.
4. Прокурин С.Г. О значениях «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 37–49.
5. Прокурин С.Г. Семiotика индоевропейской культуры. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 233 с.
6. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словестности»: опыт аналитической словестности. – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.
7. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
8. Nissen H.J. The Mesopotamian cuneiform writing system: origin and early use // Scriptura Mundi / ed. Rossen Milev. – Sofia: Balkanmedia, 2014. – P. 49–56.

HISTORICAL AND CULTURAL PREMISES OF UNDERSTANDING OF A MAN. FROM A DANCING REED TO A THINKING REED

S.G. Proskurin

Novosibirsk State Technical University

s.proskurin@mail.ru

The article deals with the denoting of a man by means of ‘a reed’ as a metaphor. The collected philological material gives the author the ground to understand a line of development of a man and the evolution of views upon humanity on the basis of a number of examples taken from written culture. The separate feature of the research is the history of views upon the expression ‘a man as a thinking reed’. It has become known that the author of the metaphor in the Russian tradition turned out to be F.I. Tyutchev after B. Pascal. In conclusion, the author presents the reasons for determining the given metaphor basis, which is likely to be written culture.

Keywords: thinking reed, cuneiform, metaphor, writing, autopoiesis.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-65-71

References

1. Budge W. *The Gods of the Egyptians, or, Studies in Egyptian Mythology*. London, Methuen & Co, 1904 (Russ. ed.: Badzh U. *Bogi egiptyan. tsarstvo sveta, ili tainy zagrobnogo mira*. Translated from English A.B. Davydova, I.B. Kulikova. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014. 575 p.).
2. Nikolskaya K.D., Klochkov I.S., Tomashevich O.V., Tkachenko G.A., Vigin A.A., execut. ed. *Istoriya i kul'tura Drevnego Vostoka: entsiklopedicheski slovar'* [The history and culture of the Ancient East: encyclopedic dictionary]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2008. 431 p.
3. Altashina V.D., comp. *Blez Paskal': pro et contra: antologiya* [Blaise Pascal: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2013. 1095 p.

4. Proskurin S.G. O znacheniyakh «pravylevyi» v svete drevnegermanskoj lingvokul'turnoi traditsii [On the meanings «right-left» in Old Germanic languages and culture]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 1990, no. 5, pp. 37–49.

5. Proskurin S.G. *Semiotika indoevropskoj kul'tury* [Semiotics of the Indo-European culture]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005. 233 p.

6. Stepanov Yu.S. *Myslyashchii trostnik. Kniga o "Voobrazhaemoi slovesnosti"* [Thinking reed. A book of «Imaginary philology»: an experience on analytical reading]. Kaluga, Eidos Publ., 2010. 168 p.

7. Feshchenko V.V., Koval' O.V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creation of sign: essays on linguistic esthetics and semiotics of art]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014. 640 p.

8. Nissen H.J. The Mesopotamian cuneiform writing system: origin and early use. *Scriptura Mundi*. Ed. Rossen Milev. Sofia, Balkanmedia Publ., 2014, pp. 49–56.